

The Sociolinguistic Situation of the Myadzel Region Exemplified by the Village of Kamarova

Anna Żebrowska

Социолингвистическая ситуация на Мядельщине на примере д. Комарово

Анна Жебровска

ABSTRACT

In the present paper, I present data obtained from my fieldwork within the Myadzel region of the Minsk district in 2011. In particular, I focus on the village Kamarova. The language of the Kamarova citizens spanning three generations is examined: the old generation (comprising speakers born before WWII), the middle, post-war generation, and the young generation. The local dialect used by native residents of Kamarova on a daily basis is shaped under the influence of several languages, Belarusian, Russian and Polish. All three generations show the results of convergence of these closely related languages, however, at different levels and to a different extent. The old generation speaks an urban dialect which is a mixture of Polish and Belarusian with a minor amount of Russian lexis. The middle generation primarily uses the Belarusian literary language, although in some specific situations they will switch to Russian with Belarusian phonetic and lexical elements. In the language of some interviewees, the influence of Polish is noticeable. Finally, the young generation speaks Russian. The analysis is supported with various examples.

1. Введение

Материалом для настоящей статьи послужили данные, собранные во время полевых исследований в сентябре-октябре 2011 года на Мядельщине, в деревне Комарово. Мядельщина (Мядельский район) расположена в Минской области и граничит с Вилейским районом этой же области, Поставским и Докшицким районами Ви-

тебской области, Островецким и Сморгонским Гродненской области. Сама деревня Комарово находится на границе с Гродненской областью.

Выбор данной местности был не случаен. Во-первых, интересно расположение ареала: в северо-западной Беларуси по знаменитому Полоцкому тракту (сейчас—автомобильная трасса Вильнюс—Полоцк), в 40 километрах от литовской границы, 80 от Вильнюса и 180 от Минска. Во-вторых, интересно ее историческое прошлое: Комарово за свою многовековую историю (XIV–XX вв.) сменило 28 владельцев и несколько общественно-политических систем. Согласно историческим данным (Лемяшонак 1998, Драўніцкі 2004, Гіль, Драўніцкі 2008), поместье Комарово сформировалось до 1330 года и входило в состав Полоцкого княжества. Полоцкое княжество, а вместе с ним и вся Мядельщина, вплоть до XVI в., было частью Великого княжества Литовского (ВКЛ), возникшего в XIII веке в результате объединения славянско-литовских племен. С XVI по XVIII век мядельские земли входили в состав Речи Посполитой. После ее раздела власть на Мядельщине менялась еще несколько раз: сначала она принадлежала Российской империи, затем, после заключения Рижского договора, Польше, позднее Советской России, впоследствии немецким оккупантам и опять Советскому Союзу. Жители Комарово талантливы и интересны, с самобытными традициями, богатым культурным наследием и своеобразным языком.

Передвижение границ, а также неоднократная смена властей, вызывавшая то полонизацию, то русификацию местного населения, отразились на формировании традиций данного региона и, несомненно, на местной разновидности белорусского языка.¹

В настоящее время можно говорить о разнообразных факторах, обуславливающих развитие языка. Это, прежде всего, активная глобализация, несущая не только расширение географических границ, но также изменение политических, культурных, социальных и других условий. Эти условия не ограждены от влияния извне, а происходящие изменения находят свое отражение в поведении,

1 Если это не оговаривается иначе, под определением *белорусский язык* имеется в виду не литературная, а диалектная форма языка, называемая самими жителями *простай мовай, сваей, вясковай*.

мировосприятия и языке человека. Комарово не является исключением, а наоборот, подтверждает все вышесказанное.

Лингвистическая ситуация Мядельщины, существующая на географическом, этническом и языковом пограничье, издавна характеризовалась сложностью и многообразием. Причиной этого являются социально-исторические факторы, имеющие приоритетное значение во всяком явлении, обусловленном языковыми контактами. Исторические события, взаимодействие этнических, а следовательно, также культурных и языковых систем, престижность в разные исторические периоды русского или польского языков привели к той языковой ситуации, которую можем наблюдать в настоящее время.

В данной статье рассмотрена современная языковая ситуация Комарово, а именно: чем характеризуется язык его жителей, отражается ли в нем историческое прошлое и в какой степени, а также с какими языковыми явлениями (интерференция, конвергенция, переключение языковых кодов) можно соотнести лингвистическую картину исследуемого пограничья. Языковая ситуация представлена на примере речи трех поколений: старшего, рожденного до Второй мировой войны, среднего—послевоенного—и младшего (дети и молодежь).

Результатом полевых исследований стали записи бесед с жителями деревни Комарово (около 50 часов звучания) и личные наблюдения. Нашими собеседниками были люди разных возрастов (самому младшему 6 лет, а старшему 82 года) и профессий.

Собранный материал указывает на то, что коренные жители в основном пользуются местным говором, сложившимся под влиянием польского, русского и белорусского языков. При этом, в речи его носителей в зависимости от возраста отмечаются некоторые различия, напр., язык старшего поколения представляет собой смешение польского и белорусского языков с незначительным количеством русской лексики; среднее поколение старается пользоваться белорусским литературным языком, но в некоторых ситуациях—в банке, в магазине, на почте, в беседе с представителями власти и т.п.—русским с фонетическими, а нередко и лексическими особенностями белорусского языка. В речи отдельных информантов чувствуется также влияние польского языка. Однако следует подчер-

кнуть, что жители, родившиеся после войны и получившие среднее или высшее образование, способны разграничивать белорусский литературный язык, русский и местный говор. Поэтому высказывания среднего поколения характеризуются большей чистотой языка, чем высказывания старожиллов. Дети и молодежь стремятся употреблять русскую речь. В школе,² на уроках они говорят на белорусском литературном языке; на перемене и за стенами школы (между собой)—на русском; с родителями или жителями деревни, исходя из сложившихся обстоятельств,—на русском языке или на *простом, своем, деревенском*.

Такое распределение находит свое подтверждение в многочисленных примерах, которые приводятся и анализируются в статье ниже. Статья состоит из нескольких частей: *Введения*, включающего в себя краткие исторические данные об исследуемой территории и постановку проблемы; *Описания*, состоящего из нескольких частей, в которых дается характеристика социолингвистической ситуации Комарово и рассматриваются языковые особенности старшего, среднего и молодого поколений; *Заключения*, обобщающего результаты анализа материала, который приводится в основной части (*Описании*), *Литературы*.

2. Описание

2.1. Социолингвистическая ситуация в Комарово

Языковая ситуация в современной Беларуси отличается неоднородностью. Она характеризуется наличием нескольких языковых систем, образовавшихся в результате взаимодействия белорусского, русского и польского языков. Белорусский язык представлен литературным белорусским языком и местными говорами. В степени владения русским языком также наблюдается вариантность форм: от литературного языка с незначительными белорусскими интонационными особенностями до смешанной речи.

Мядельщина, расположенная в северо-западной Беларуси, в силу своей исторической судьбы относится к региону, который в прошлом был частью Польши, поэтому здесь и в настоящее время отмечается влияние польского языка. Однако его роль сводится в

2 Школа в деревне Комарово—с белорусским языком обучения.

основном к символической функции, заключающейся в том, что в сознании человека закодированы польское происхождение (у многих сохранились документы, подтверждающие этот факт), традиции, переданные предками, и чувство связи с Польшей. При этом знание польского языка преимущественно ограничивается пониманием, а его использование — профессиональной сферой.

На сегодняшний день в деревне Комарово насчитывается около 600 жителей. Согласно данным Свирского сельсовета, приблизительно 95% населения Комарово — католики и 5% православные. В соответствии с документами, 90% из них составляют белорусы, 2% — русские, 7,5% — поляки и 0,5% — украинцы. Однако следует подчеркнуть, что вопрос национальности жителей исследуемой территории неоднозначен. В Комарово широко распространено понимание, характерное и для других регионов пограничья:³ католик — значит поляк, хотя в действительности человек общается на белорусском литературном языке или его местном говоре, отождествляет себя с белорусской культурой и считает себя белорусским патриотом.⁴ Это, несомненно, упрощенная трактовка данного явления, тем не менее, нельзя не принимать ее во внимание.

2.2. Старшее поколение

98% старшего поколения (т.е. людей, рожденных до Второй мировой войны) называют себя поляками, остальные 2% — русскими, белорусами или украинцами; эти 2% в основном составляют переселенцы.

Старшее поколение информантов независимо от собеседника и ситуации пользуется местным говором, определяемым жителями Комарово как *свой, простой, деревенский*:

3 Эта проблема подробно описана в работах Engelking (1995, 1996, 2000, 2007, 2008), Smułkowa (2002), Straczuk (2006, 2008), Zielińska (2008) и других польских исследователей пограничья.

4 Примером может послужить высказывание одного из наших информантов (мужчина 1932 г. рожд., католик, поляк по происхождению: *Ведаю польскую мову, чытаю... і пісаць магу й размаўляць, як прыдзіцца. Я й паляк, і беларус. Ведаеце, люблю беларускую культуру, мову й люблю сваю Радзіму* 'Знаю польский язык, читаю... и писать могу, и разговаривать, если придется. Я и поляк, и белорус. Знаете, люблю белорусскую культуру, язык и люблю свою Родину'. (В11М.Ком.DIP/AŽ).

- (1) *Ай... як гаварылі?... так і гаварылі, па-вясковаму, як цяпер, па-свойму.*⁵
 ‘Ой... как говорили?... так и говорили, по-деревенски, как тепер, по-своему’. (В11М.Ком.МJM.DIP/AŽ 2)
- (2) *Не, па-просту гаварылі. Ні па-польску.*
 ‘Нет, по-простому говорили. Не по-польски’.
 (В11М.Ком.SzLIpocz./AŽ 2)

Свой, простой, деревенский (иногда можно встретить определение *па-камароўскаму*, т.е. *по-комаровски*)—это язык, на котором общалось большинство старожилов всю свою жизнь. Он характеризуется преобладанием белорусской лексики с русскими и польскими лексическими включениями. Тем не менее, в некоторых ситуациях используется исключительно польский язык. Это касается прежде всего религиозной практики, что подтверждалось и самими жителями деревни:

- (3) *Кажу ж, дома па-просту, а па-польску... по польску тылькі ф кос'цэле. Гэта ж с'венты энзык, польскі.*
 ‘Говорю же, дома по-простому, а по-польски... по польски только в костеле. Эта же святой язык, польский’.
 (В11М.Ком.SzLIpocz./AŽ 2)

В Комарово и окрестностях костел был и продолжает оставаться единственным местом, объединяющим поляков. Возможно, именно поэтому обращение к конфессиональной тематике (напр., молитвы, религиозные песни, краткая беседа прихожан после воскресной мессы, обращения к священнику) вызывает в речи информантов более активное использование польской лексики, хотя существуют ее белорусские эквиваленты.

У старшего поколения сохранилась историческая память о принадлежности данной территории к Польше. Вероятнее всего, именно поэтому в высказываниях довоенного поколения часто слышатся сентиментальные воспоминания о прошлом:

5 Примеры представлены в упрощенной фонетической транскрипции.

- (4) *Быў польскі... і школа польская, і дакумэнты былі, польскія былі.*
 ‘Был польский... и школа польская, и документы были, польские были’. (В11М.Ком. SzL/Proc./AŽ 2)
- (5) *А як жа, польскія дакумэнты былі, усе польскія. А тады забралі, я ж год двана́с’ця было. Помню... «Давайця, іна́ча уб’ём»... Што ж было... далі.*
 ‘А как же, документы польские были, все польские. А тогда забрали, мне же лет двенадцать было. Помню... «Давайте, иначе убьем»... Что же было... дали’. (В11М.Ком. ŽLW/AŽ)
- (6) *Мы па-польску гаварылі. Бацькі зваліся шляхты й гаварылі ўсе па-польскі. Па-польску гаварылі ўсе. [...] У Броне́ве жывецъ мой брат, мы з’ і́йм часта... перазваніваюся—я да яго званю, ён да мяне звоніць. Па-польску мы гаворым з’ і́йм. Так братава відзі, у нас язык проты, мы па-проту. А мы як чытаім, гэтыя ж во, чытаім ксёнжку, літанію ўсё, у нас сусём накішы акцэнт.*
 ‘Мы по-польски говорили. Родители назывались шляхтой и говорили все по-польски. По-польски говорили все. [...] В Броневе живет мой брат, мы с ним часто... перезваниваюсь—я ему звоню, он мне звонит. По-польски мы разговариваем с ним. Так невестка видит, у нас язык простой, мы по-простому. А мы когда читаем, эти же вот, читаем книжку [в значении молитвенник—А. Ж.] у нас совсем другой акцент’.
 (В12М.Ком. ВР/AŽ 1)

Действительно, с одной стороны, люди с гордостью говорят, что они поляки, что ходили в польскую школу, что документы у них были польские и польский язык был языком общения. С другой стороны, они осознают, что их память сохранила немного польских слов, что современные средства массовой информации в основном на русском языке, а их дети и внуки, живущие в городах Беларуси, говорят по-русски. Язык старшего поколения—простых деревенских людей, образование которых зачастую составляет всего несколько классов начальной школы,—*свой, простой, деревенский*, но единственный:

- (7) *А нашто ж нам другі язык, як у нас свой ёсь... свой, наш, біларускі... Так гаварылі і памром з' ім.*

‘А зачем же нам другой язык, если у нас свой есть... свой, наш, белорусский... На нём говорили и умрем с ним’.

(В11М.Ком.МJM.DIP/AŽ 2)

Старшее поколение активно владеет только местным говором, хотя прекрасно понимает и русскую, и польскую речь. Во время одной из бесед информантка начала рассказывать о еженедельной передаче «Жди меня». Она изложила все происходящее в студии очень подробно, передавая содержание передачи, идущей на русском языке, средствами локального языка, и, даже цитируя некоторые фрагменты, использовала *свой* язык:

- (8) *Матка кінула хлопчыка на ва(g)зая. [...] Глянъ, кінула гэ-тага хлопчыка... толька мэтрыку пакінула... тры гадкі хлопчыку. [...] А цяпер разыскаваў брат [...] А тады паказалі ўжо, ужо, ужо ж узрослы, адыскалі. [...] А тады гэты⁶ каіць «ні валнуіц'я, усё буіць добра. Вы зра валнуіц'я. Прыехаў! Хадзіця скарэй», гэты ў перадзе, што ўжо ж кажыць, а гэты заду за ім. [...] Скока, можа дваццаць шэсь гадоў ня відзяліся. [...] Вот нашло цяпер гэта «Ждзі міня». А-яй, скока находзяць. ‘Мать бросила мальчика на вокзале. [...] Смотри, бросила этого мальчика... только оставила свидетельство о рождении... три годика мальчику. [...] А теперь разыскивал брат [...] А потом показали уже, уже, уже взрослого, отыскали. [...] А потом этот говорит: «Не волнуйтесь, все будет хорошо. Вы зря волнуетесь. Приехал! Идите быстрее», этот впереди, что говорит, а тот сзади за ним. [...] Сколько, может лет двадцать шесть не виделись. [...] Вот пошло теперь это «Жди меня». А-яй, сколько находят’.* (В11М.Ком.МJM/AŽ 1)

Следующая наша собеседница, подобно предыдущей, в повседней речи пользуется местным говором, однако по-польски не только все понимает, но и может общаться:

6 Информант имеет в виду ведущего передачи «Жди меня».

- (9) Чаму, я польскі ўсё ўмею, чытаць болей як па-руску. І чытаць, і пісаць, і... і гаварыць, а магу гаварыць.
 'Почему, я по-польски все умею, читать лучше, чем по-русски. И читать, и писать, и... и говорить, а могу говорить'.
 (B12M.Kom.FT/AŽ 1)

В дальнейшей беседе информантка перешла на польский язык:

- (10) *W domu rozmawiali po polsku i po prostu, różnie. Teraz starsi ludzie pamiętają. Tam jak rozmawiać może nie tak, a zato że ja tego rozmawiać, bo ja bardzo lubiłam ksionżki czytać. [...] Radia jeszcze nie było, my już w pięćdziesiątym drugim roku radio kupili. Nu, heta z użo ruskaje, jak heta, «Rodzina»... i to, tam nie było świata, dyk na pitaniach, nu. A tak ksionżki zawsze czytała, bardzo lubiła.*
 'Дома мы разговаривали по-польски и по-простому, по-разному. Сегодня старшие помнят. Там если разговаривать может не так, а я могу говорить, потому что я очень любила книги читать. [...] Радио еще не было, мы уже в 52-м году радио купили. Но, это уже ж русское, как это, «Родина»... и то, там не было электричества, так на батарейках. А так книги всегда читала, очень любила'. (B12M.Kom.FT/AŽ 1)

Приведенные примеры (1-10) указывают на взаимное влияние польского, белорусского и русского языков.

Речи старшего поколения свойственно аканье/яканье: *гавар'ылі* (1, 2, 6, 7, 9), *год—гадоў, гадкі* (8), *па-камароўскаму, па-вясковаму* (1), *цяпер* (1, 8), *можа* (10); дзеканье/цеканье: *хадзіця, ня відзяліся, ў перадзе* (8), *жывець, звоніць* (6); твёрдые [ч], [шч]: *часта, чытаім* (6), *хлопчыка* (8); фрикативное [г]: *гаварылі* (1, 2, 9) *год* (5), *яго, гэты* (6), *другі* (7), *глянь* (8); твёрдое [р]: *па-просту гаварылі* (1, 2, 3), *памром* (7), *тры, цяпер, прыехаў* (8); губно-губной [ў]: *быў* (4), *ўсе* (6), *ўжо, прыехаў, гэты ў перадзе* (8), я [...] *ўсё ўмею* (9).

Влияние польского языка ощутимо в основном в лексике: *по польску тьлько ф ко'цэле, с'венты энзык* (3), *дванас'ця* (5), *братава відзі* (6). Встречаются также грамматические влияния, как, напр., *я да яго званю, ён да мяне звоніць* (6), вместо блр. *званіць* (каму?)

яму. Коренные жители Комарово, рожденные в довоенный период, первое, и часто единственное, образование получали в польской школе. Дома, как подчеркивали некоторые из них (примеры 6, 10), также пользовались польским языком; читали книги и слушали польское радио. Поэтому и сегодня старожилы могут общаться по-польски, как, например, в высказывании (10). Мы привели только один пример, однако это явление встречалось и у других представителей старшего поколения. Несомненно, их польская речь не лишена влияния белорусского или русского языков. Так, вместо пол. *dwanaście* и *bratowa* видим подвергнутые аканью/яканью *дванас`ця* (5) и *братава* (6). В примере (10) вместо польского *na bateriach* информантка использует выражение *na pitanijach* (рус. блок питания, питание). В этом же примере вместо польского *nie było światła* (в переводе на рус. *не было света, электричества* и на блр. *не было святла*), появляется выражение *świat* (*nie było światu*), что на русский язык переводится как *свет, мир*. По-видимому, информантка заимствовала лексическую единицу *свет* из русского языка.

Воздействие русского языка на речь старшего поколения, как уже упоминалось выше, также отражается в лексике: *язык* (6, 7) вместо белорусского *мова*; *толька* (рус. *только*) вместо блр. *толькі* (8), *разыскаваў/адыскалі* (рус. *разыскивал/отыскали*) вместо блр. *шукаў, адшукваў/знайшлі адшукалі* (8); *узрослы* (рус. *взрослый*) вместо блр. *дарослы*; *зря валнуіцца* (рус. *зря волнуется*) вместо блр. *дарма/дарэмна/марна хвалюецца* (8); *скока* (рус. *сколько*) вместо блр. *колькі* (8) и т.п.

На основании анализа материала можно утверждать, что уже у старшего поколения наблюдается процесс языковой конвергенции. Вследствие длительных контактов трех языков (белорусского, русского и польского), вызвавших процессы интерференции, стал формироваться язык с общей артикуляционной базой. Местный говор старшего поколения, характеризуется вариантностью, проявляющейся как в произношении и грамматике, так и в словарном составе.

Взаимное влияние языковых систем ощутимо также в речи следующего информанта — поляка, католика, в прошлом учителя белорусского языка и литературы. Учитель владеет белорусским языком

и местным говором, но, как сам заметил, умеет также читать и писать по-польски и по-русски.

В ходе одной из встреч, информанту позвонила племянница из Вильнюса (по линии отца полька, матери—латышка), которая вместе с ним занималась поиском предков знакомого из Германии (князей Свирских). Из разговора можно было понять, что с ним говорят по-русски, так как учитель прилагал все усилия для того, чтобы его коммуникативные интенции были поняты верно.

- (11) *Дак... любое іме, можэт мы... і ні знаю я, но Свірскія эта князі адны. Дак этат г(у)од, ес'ць ілі нет? Ес'лі этат г(у)од в метрыке ес'ць, значыт⁷ мы паедзім сматрэць. Нас г(г)од інцерысуе. [...] За этот г(г)од метрыкі ілі в Каўнасе, ілі в Вільнюсе. [...] Ну обшым эта, вот этат г(г)од, ес'лі што-та найдзёцца, то тада мы прыедзім, вот... ваз'му даверыннасць з'дзелаім...*

‘Так... любое имя, может мы... и не знаю я, но Свирские—это князья одни. Так этот год, есть или нет? Если этот год в свидетельстве есть, значит мы поедем посмотреть. Нас год интересуе. [...] За этот год свидетельство или в Каунасе, или в Вильнюсе. [...] Ну в общем это, вот этот год, если что-то найдется, то тогда мы приедем, вот... возьму доверенность сделаем...’

- (12) *Тут ешч-о адно пісьмо с вільнюскага архіва прыслала пра аднаго... [...] Эта тожэ, ч-элавека уч-онага [...].*

‘Здесь еще одно письмо из вильнюсского архива прислала об одном... [...] Это тоже, человека ученого [...].’

- (13) *Ну, обшчыым баіцца атвецтвеннас'ці. Ну, обшым хай думают. Пусць думают. Яму і в Мінске эту работу прыдлагалі. І зяць мой работае, эта самае, і ваврасаў нет.*

‘Но вообще боится ответственности. Но вообще пусть думают. Пусть думают. Ему и в Минске эту работу предлагали. И зять мой работает, это самое, и вопросов нет’.

7 Запись [ч-ы], напр., в словах *значыт*, *нічыво*; [ч-о]—*ешч-о*; [ч-э]—*ч-элавак* обозначает полумягкий [ч].

- (14) *Ковна—Каўнас, Каўнас. Но, но пры царскай Расіі было Коўна. Эта ж была яна пад царём была...*
 'Ковно—Каунас, Каунас. Но, но при царской России было Ковно. Это ж была она под царем была...' (В11М.Ком.DIP.DKM/AŽ 02)

Желание быть понятым выражалось в использовании русской лексики, например: *іме* (рус. *име*) вместо блр. *імя*; *можэт* (рус. *может*) вместо блр. *мога*; *ес'ць ілі нет* (рус. *есть или нет*) вместо блр. *ёсць ці няма*; *г(г)од інцерысуе* (рус. *год интересуе*) вместо блр. *г(у)од цікавіць*; *смагрэць* (рус. *смотреть*)—блр. *глядзець*; *ес'лі што-та найдзёцца* (рус. *если что-то найдется*) вместо блр. *калі штосьці/што-небудзь знойдзецца*; *даверыннасць з'дзелаім* (рус. *доверенность сделаем*)—блр. *даверанасць зробім* (11). Русизмы из других фрагментов: *ешч.о* (рус. *еще*) блр. *яшчэ*; *эта тожэ ч-элавека уч-онага* (рус. *это тоже человека ученого*) вместо блр. *гэта таксама чалавека вучонага* (12); *атвецтвеннасці* (рус. *ответственность*) вместо блр. *адказнасці* (13) и т.п.

Необходимо отметить и другие особенности речи данного информанта, которые присущи также жителям деревни Комарово: наличие и характерного для белорусского языка фрикативного [γ] и свойственного русскому литературному языку взрывного [g]: *г(у)од* и *г(г)од* (11); замена предлога *из* предлогом *с/з*, напр., *с вільнюскага архіва* (12) вместо рус. *из вильнюского архива* или блр. *з вільнюскага архіва*, что может объясняться наличием белорусского предлога. Интерференция проявляется также в использовании другого звукового варианта предлога *в*: *в метрыке* (рус. *в метрике*, блр. *у метрыцы*), *в Каўнасе* (рус. *в Каунасе*, блр. *у Каўнасе*), *в Мінске* (рус. *в Минске*, блр. *у Мінску*). Подобным образом, в речи комаровцев встречаются гибридные формы, совмещающие в себе, например, русскую лексику с белорусским алломорфом флективного окончания: *вапрос-аў нет* (13) рус. *вопрос-ов нет* и блр. *пытанн-яў няма*.

На стремление общаться по-русски указывает произношение [р'] в слове *царем*. Здесь слышится мягкий [р'], тогда как в других словах, например, *смагрэць*, *інцерысуе*, *прыедзім*, *даверыннасць*—твердый [р]. Объяснить это можно тем, что слово *царь* ассоциируется с Россией, русской историей, культурой. Информант, вероятнее всего, подсознательно произнес слово *царем* с мяг-

ким [р’], что по сути отражает культурно-историческую память. Отличается также произношение [ч’]. В словах *знач-ыт, ніч-ыво* (11), *уч-оный, ч-элавек* (12) произносится полумягкий [ч’], что характерно как для старшего поколения, так и для среднего и младшего (примеры см. ниже).

Пограничье характеризуется многими лингвистическими особенностями, например, вариантностью произношения, использованием лексики русского, белорусского и польского языков, гибридным характером языка, а также колебаниями в речи того или иного информанта даже в рамках одного и того же высказывания (*па-польскі—па-польску* (6), *г(у)од—г(g)од* (11), *хай думают—пусць думают* (13) и т.п.). Языковое и культурное разнообразие, с которым мы сталкиваемся на данном пограничье, является результатом взаимодействия местного говора, регионального варианта русского языка и исчезающего польского языка, а также образования новой системы, развивающейся в зависимости от семейных традиций в двух направлениях — в польском или русском, что с особой выразительностью проявляется в речи среднего поколения.

2.3. Среднее поколение

Послевоенное поколение жителей Комарово — это в основном дети местного старшего поколения, поэтому большинство информантов являются поляками. Некоторые, подобно своим родителям, стараются сохранить польские традиции, хотя осознают, что их язык:

(15) *мала польскі, ёсь некаторыя словы, можа і німала... алі дзе ж тут будзіш гаварыць як трэба, калі... тады ні давалі, а цяпер...*

‘Мало польский, есть некоторые слова, может и немало... но где же здесь будешь говорить как следует, когда... тогда не давали, а теперь...’ (В11М.Ком. ZEF/AŽ)

Другие, зная о своем польском происхождении, отождествляют себя с белорусской культурой:

(16) *Мы ўжо біларусы. Дзяды нашы і прадзедаы былі палякамі, а мы... якія мы палякі?... Мы біларусы.*

‘Мы уже белорусы. Деды наши и прадеды были поляками, а мы... какие мы поляки?... Мы белорусы’. (В11М.Ком.JZ/AŽ)

(17) *Польскі панімаю, алі ні гавару, усё па-беларуску ці руску, дык якія ж мы палякі. Некалі былі, а цяпер...*

‘Польский понимаю, но не говорю, все по-белорусски или по-русски, так какие же мы поляки... раньше были, а теперь...’ (В11М.Ком.KDF/AŽ)

Язык двух поколений (довоенного и послевоенного), как уже упоминалось, имеет и сходства, и различия. Общими чертами является белорусское произношение, например, фрикативное [ɣ], твёрдое [p]: *гаварыць, трэба* (15), *гэтка, галадалі* (18), *год* (21); аканье/яканье, дзеканье/цеканье: *цяпер* (15), *дзяды, прадзеды* (16), *дзецям* (18) *дзіцятка* (24); твёрдые [ч], [шч]: *хочыцца* (23), *намучалася* (24); губно-губной [ў]: *ўжо* (16, 18), *расказаваў, гнаў, заўтра, ў хаце* (19), *і ўсё* (23) и т.п. Влияние польского и русского языков, также как и в речи старшего поколения, главным образом отражено в лексике. Особенностью речи послевоенного поколения мы считаем разветвление языка: если информант — поляк по национальности и в той или иной степени пользуется польским языком, то его речь очень приближена к белорусскому литературному языку. В свою очередь, информанты, называющие себя белорусами и пользующиеся в обиходе местным говором, стараются казаться русскоязычными, употребляя в речи большее количество русской лексики; при этом фонетика по-прежнему остается белорусской. Речь старшего поколения, за исключением отдельных обстоятельств, таких, как религиозная практика или общение с русскими/поляками (примеры 10, 11–14), однородна, т.е. представлена местным говором. В языке довоенного поколения мы не встретили языкового расхождения *польский — русский*, тогда как в речи среднего поколения эта тенденция достаточно выразительна.

Для подтверждения вышесказанного представим несколько примеров. Сначала приведем высказывания, которые наиболее ярко иллюстрируют речь информантов-поляков, сохраняющих польские традиции.

Женщина 57 лет, полька, католичка, сравнивая свое детство с детством современных детей, несколько раз употребляет польское слово *wugoda*, хотя в белорусском языке есть своя лексема *выг(у)ада*:

(18) *Мы ні галадалі ўжо... [...], алі ж ці была гэткая выг(g)ода як, як цяпер, дзецям выг(g)ода гэткая... гэткай жа выг(g)оды ні было.*

‘Мы не голодали уже... [...], но разве было такое удобство как, как теперь, для детей условия такие... таких же условий не было’. (В11М.Ком.КА.АŽ-FLM/АŽ1)

В других высказываниях информанта также появляются польские выражения: *плецы* (пол. *plecy*), вместо блр. *спіна* (18); *цал’ымі дн’ямі* (ср. пол. *całymi dniami*) вместо блр. *цэлымі днямі* (18); *бабця* (пол. *babcia*) вместо блр. *бабка*, *бабуля* (19):

(19) *Што там тата расказаваў... [...] Працавалі і працавалі... Алі, казаў, ніхто у плецы ні гнаў. Як на сваім працавалі... На сваей зямлі працавалі, вот сёння, заўтра, памаленьку, цалымі днямі ў хаце, усё было зроблена.*

‘Что там папа рассказывал... [...] Работали и работали... Но, говорил, никто в спину не гнал. Когда на своем работали... На своей земле работали, вот сегодня, завтра, потихоньку, целыми днями дома, все было сделано’. (В11М.Ком.КА.АŽ-FLM/АŽ1)

(20) *Дзеда вывезлі тады на Калыму, лес валіць, а бабця пашла ў калхоз*

Деда вывезли тогда на Колыму, лес валить, а бабушка пошла в колхоз’. (В11М.Ком.КА.АŽ-FLM/АŽ1)

В собранном материале имеется множество примеров, указывающих на появление в речи среднего поколения польской лексики с фонетическими и морфологическим чертами польского языка. В большей степени видна и близость речи информантов послевоенного поколения к белорусскому литературному языку. Все это может означать дальнейшее развитие процесса конвергенции.

Подобное языковое явление можно проследить также у следующей собеседницы, польки, католички 1957 года рождения:

(21) *Была ў комітэце кос'цельным, пяць год. Раз звоніць ксёнс —біскуп едзіць, тшэба ехаць... я на ровар і ў Канстанцінава.*⁸
 ‘Была в комитете костельном, пять лет. Однажды звонит ксендз—епископ едет, надо ехать... я на велосипед и в Константиново’. (В11М.Ком.ŻEF/AŻ)

(22) *Божынька, памажы, дай здраве, жэбы выштыко добжэ был'о для маіх дзетак і цалай нашай родзіны.*
 ‘Боженька, помоги, дай здоровье, чтобы все хорошо было у моих детей и всей нашей семьи’. (В11М.Ком.ŻEF.ŻEW.KA/AŻ 1)

В семье этого информанта строго соблюдаются польские традиции. Ее члены читают на польском языке, понимают и в случае необходимости могут разговаривать по-польски. Тем не менее, их основным языком общения является местный говор. Однако информанты довольно широко используют польскую лексику, несмотря на наличие белорусских эквивалентов: *комітэт кос'цельны* (пол. *komitet kościelny*), а не блр. *касцёльны камітэт*; *тшэба* (пол. *trzeba*) вместо блр. *трэба*, *патрэбна*, *неабходна*; *здраве* (пол. *zdrowie*), а не блр. *здараўе*; *родзіна* (пол. *rodzina*) вместо блр. *сям'я*. Употребление польской лексики в ряде случаев зависит от темы разговора: информант использует польские выражения в случаях, когда тема связана с костелом, молитвами, так как=католическая вера всегда ассоциировалась с польской культурой, и польский язык в данном случае кажется информанту более адекватным. Однако в высказываниях иной тематики, напр., касающейся повседневности, этот же информант использует белорусский язык:

(23) *Вот бедная?... хочыцца ж каб у сям'і ўсё добра было, а тут... глаўнае здароўе⁹, як німа яго, дык і ўсё.*
 ‘Вот бедная... хочется же, чтобы в семье все хорошо было, а тут... главное здоровье, если нету его, так и все’. (В11М.Ком.ŻEF/AŻ 2)

8 Константиново—деревня на расстоянии 3-4 километров от Комарово, в которой находится костел.

9 Информантка рассказывает о соседке, у которой серьезные проблемы со здоровьем.

В речи среднего поколения информантов, придерживающихся польских традиций, появляются и русские выражения (как, напр., *глаўнае* (23), рус. *главное*, блр. *галоўнае*), но их не так много, как у информантов—поляков по происхождению, считающих себя белорусами.

Одна из респонденток, местный парикмахер, рассказывает историю, которая случилась с шестимесячной дочерью ее знакомых: играя, девочка проглотила часовую батарейку.

- (24) *А маленькая—ну маленькая... шкода, намучалася ж дзіцятка. Што ж рабілі... там гэта, ізвлекалі інароднае цела. Ужо акіслілася там гэта батарэечка. Ну харашо, што воврымя... Дык врач адзін сказаў, што «нада заявленіе на радзіцелей пісаць в таком атнашэнні, што ні дасматр-елі».¹⁰ 'А маленькая—ну маленькая... жалко, настрадался же ребенок. Что же делали... там, эта, извлекали инородное тело. Уже окислилась там эта батареечка. Ну хорошо, что вовремя... Так врач один сказал, что «надо заявление на родителей писать в таком отношении, что не досмотрели»'. (В11М. Ком.BRF. ŽEF/AŽ 1)*

В приведенном примере, кроме русской лексики (*извлекать*, *инородное тело*, *вовремя*), заметно явление переключения языковых кодов, выражающееся в цитированном высказывании врача: «нада заявленіе на радзіцелей пісаць в таком атнашэнні, што ні дасматр-елі». В высказывании другого информанта, польки, католички, в прошлом учительницы русского языка и литературы, отмечаем аналогичные особенности:

- (25) *Вун жа ж я, на выпускным (показывая свои девичьи фотографии). Відзела? Прыехаў неяк брат с Урала, заехаў да сястры ў Бараўляны, кажыць «нікак(g)да ні думал, што Рома в таком захалуцьце будзет жыць». Ай, ну і вот так... думала ж буду ў горадзе.*

¹⁰ В произношении согласных [p'], [č'] слышится тот же полумягкий [p·], [č·], который появлялся и в речи довоенного поколения (12–14).

‘Вот же я, на выпускном. Видела? Приехал как-то брат с Урала, заехал к сестре в Боровляны, говорит: «никогда не думал, что Рома в таком захолюстье будет жить». Ай, ну и вот так... думала ж буду в городе’. (B11M.Kom.TRS/AŽ 2)

С переключением языковых кодов мы также сталкивались у старшего поколения (напр., 3, 5), однако намного реже.

Думается, что примеры (18–25) позволяют заметить то языковое разнообразие в речи одного и того же поколения, о котором упоминалось ранее. Необходимо добавить, что среди послевоенного поколения есть люди, общающиеся дома, с друзьями, на работе и т.д. только на русском языке с незначительным влиянием местного говора. Это, прежде всего, переселенцы из Казахстана, Гомельской области (после аварии на Чернобыльской АЭС) или из других регионов Восточной Беларуси. Исключением оказалась одна местная жительница—католичка с польскими корнями и белорусскими документами, считающая себя русской, которую мы сначала отнесли к приезжим; впоследствии оказалось, что она родилась, выросла и провела всю свою жизнь в деревне Комарово. В России была лишь один раз на протяжении двух недель, но, как сама выразилась *„всегда говорила и говорит по-русски”* (B11M.Kom.JZFcd.KMF.LA-LA.DIP/AŽ 2). Приведем некоторые примеры:

(26) *Ну, што, можыт в дом зайдзёце? (Шутя) Не, віна такова і сказаць што крэпка і нету, зато водка есць.*

‘Ну, что, может в дом зайдете? (Шутя) Нет, вина такого и сказать, вообще-то и нету, зато водка есть’.

(B11M.Kom.JZFcd.KMF.LA-LA.DIP/AŽ 2)

(27) *Ілюша работае’т первый г(г)од. Но, правда, будзет наступаць, наварнае... патаму што коледж конч-ыл тока, жылезнадарожный... ну, р-ешыл, што г(г)од нада парабатаць.*

‘Илюша работает первый год. Но, правда, будет поступать, наверное... потому что колледж закончил только, железнодорожный... ну, решил, что год надо поработать’.

(B11M.Kom.JZFcd.KMF.LA-LA.DIP/AŽ 2)

Примеры (26, 27) иллюстрируют местный вариант русского языка, особенности которого заключаются прежде всего в произношении, свойственном белорусскому литературному языку, и русской лексике. Так, отсутствие в белорусском языке мягких [д'] и [т'] и наличие соответствующих мягких аффрикат [дз'] и [ц'], вызывает в словах *зайдете, сказать, есть, будет, поступать* характерное для белорусского языка дзеканье и цеканье; кроме того, подобно примерам (11, 12) отмечается полумягкое произношение согласных [ч·] и [р·].

Как видим, старшее и среднее поколения пользуются локальным языком. Однако их речь имеет как тождественные, так и дифференциальные признаки, что приводит к развитию в двух направлениях—либо в сторону польского языка, либо в сторону русского при сохранении общей артикуляционной базы. Язык старожилов постепенно исчезает. На его месте появляется новая форма местного говора, которую сегодня представляют среднее и молодое поколения.

2.4. Молодое поколение (дети и молодежь)

Рассматривая речь младшего поколения, мы выделили две подгруппы: речь детей (11–14 лет) и речь молодежи.

Одноклассники (11–12 лет) встретились в местной библиотеке, где раз в неделю проходят занятия по религии:

(28) *Виолетта: Там младшая г(у)рупа. Куды вы йдзёце? Нада падаждаць.*

‘Там младшая группа. Куда вы идете? Надо подождать.’

Оля: *Ну дык падаждзём* ‘Ну так подождем’. (Показывает своей подруге книги) *Для нас во, во, Віалета, паг(у)лядзі.*

‘Для нас, вот, вот, Виолетта, посмотри’.

(В11М.Ком.ЖЗФcd.КМФ.ЛА-ЛА.ДІР/АЖ 2)

Другие примеры речи детей: (29)—12-летняя школьница интересуется делами своей младшей соседки; (30)—у школы собралась краеведческая группа «Валошки»,¹¹ где их руководитель, учитель белорусского языка и литературы, рассказывает, что когда-то пекли хлеб на кленовых листьях или аире.

¹¹ Васильки.

- (29) *Как жысь? Как дзіла, Аліна? Што новава? В школе всё нармальна? [...]* У міня ніч-ево.
 ‘Как жизнь? Как дела, Алина? Что нового? В школе все нормально? [...] У меня ничего’. (В11 М.Ком.МW.КА/АЖ)
- (30) *Аір, трава, што у нас у Камарове рас’цець такая? [...]* Гэта не. Гэта абычны камыш вродзі... Да, гэта абычны камыш. [...] *Аір вродзі ў нас у Камарове... ці як там, каля пруда, мусіць гэта ён [...]*.
 ‘Аир, трава, что у нас в Комарово растет такая? Это нет. Это обычный камыш вроде... Да, это обычный камыш. [...] Аир вроде у нас в Комарово... или как там, около пруда, наверное, это он [...]’. (В11 М.Ком.Ю.ЛЛ.СС/АЖ)

Для молодых информантов, как и для представителей старшего и среднего поколений, характерны: дзеканье и цеканье, напр.: *паглядзі, падаждзём* (28), *дзіла* (29), *рас’цець*, *вродзі* (30), *стадзіон* (33), *дзіскацека* (35); фрикативное [ɣ]: *група*, *паглядзі* (28), *гэта* (30), *многа* (32); губно-губной [ʏ]: *вродзі ў нас* (30), *паздраўляць*, *на ўрокі* (32) и т.п. Наряду с твердым произношением [ч], характерного для белорусского и польского языков, встречается полумягкое [ч'] и мягкое [ч'']: *ніч-ево* (29) и *вечерам, да встrecі* (33), *кофточка* (34).

Для речи молодого поколения характерно также заимствование русской лексики: *младшая* вместо блр. *малодшая*, *нада падаждаць* вместо блр. *трэба пачакаць* (28); *как дзіла* вместо блр. *як справы* (29); *вродзі* вместо блр. *накшталт*; *пруд* вместо блр. *стаў*, *сажалка* (30); *аттуда* вместо блр. *адтуль* (31). В (29) примере отмечено единичное просторечное русское *жысь* (блр. *жыццё*, рус. *жизнь*). Форма *жысь* встречалась у старшего поколения, поэтому можно предположить, что информантка усвоила ее из речи старожил.

На основании проведенного анализа мы можем также говорить о том, что язык детей представляет собой местный говор с наличием русской лексики. Намного реже, чем в речи старшего и среднего поколений, встречаются польские лексемы.

Речь молодежи в сравнении с речью детей особых различий не имеет. Ср. примеры из высказываний молодой белоруски, живущей в Комарово, закончившей школу и теперь учащейся в местном училище:

- (31) *А адкуль эта вы аттуда ішлі аднекуль? [...] Не, тут более-менее такая дарожка ёсь. Там дарожка ёсь. А давайце я пакажу. [...] Там цяжка пралес'ці.*

‘А откуда это вы оттуда шли откуда-то? [...] Нет, здесь более-менее такая дорожка есть. Там дорожка есть. А давайте я покажу. [...] Там тяжело пройти’. (В11М.Ком.ЈZFcd.KMF.LA-LA.DIP/AŽ 2)

Другая наша информантка, также белоруска, католичка, которая в настоящее время учится в Несвиже в Школе искусств, рассказывает, как когда-то всем классом ходили поздравляли ветеранов с Днем победы:

- (32) *А мы як малыя былі хадзілі... хадзілі да яго, ну... паздраўляць, там можа нешта там з 9 Мая ілі што. І ён тады як начнець расказваць, многа-многа, а нам на ўрокі трэба, з адной стараны, алі, з другой стараны, і пагуляць хочыцца... но, алі мы слухаім яго і нас смех разбіраіць.*

‘А мы, когда маленькие были, ходили... ходили к нему (к 90-летнему ветерану—А. Ж.), ну... поздравлять, там может что-то там с 9 Мая или что. И он тогда как начнет рассказывать, много-много, а нам на уроки надо, с одной стороны, но, с другой стороны, и погулять хочется... Но, но мы слушаем его и нас смех разбирает’. (В11М.Ком.BRF.BEW.ŽEF/AŽ 1)

Выше приведены высказывания двух девушек, одна из которых постоянно живет в деревне, а другая редко приезжает сюда. Несмотря на это, и первая, и вторая информантка говорят на местном говоре, хотя в городе вторая собеседница общается на русском языке, потому что, как сама выразилась: «там усе так гавораць» (В11М.Ком.BRF.BEW.ŽEF/AŽ 1) ‘Там все так говорят’.

В речи молодого поколения, о чем вспоминалось выше, прослеживаются те же фонетические особенности, что и у детей. В их языке также видны тенденции к расслоению: речь одних ближе к белорусскому языку (напр., 28, 30, 31, 32), а речь других—к русскому (28, 29, 33–35). Вместе с тем, местная молодежь, чаще всего старшеклассницы, вне уроков говорят по-русски. Мы прислушивались к

их речи у школы, магазина, на стадионе или у пруда, где по вечерам собирается молодежь, и всегда слышали русский язык:

- (33) *Вечерам¹² пайдзёшь на стадзiон? Тагда да встречи.*
 ‘Вечером пойдешь на стадион? Тогда до встречи’.
 (В11М.Ком.GL.HL.MD/AŽ)
- (34) *В пятніцу мы с мамай ездзілі на рынак в Нарач’, там такую коф’тач’ку відзела класнінькую... с ума сайці.*
 ‘В пятницу мы с мамой ездили на рынок в Нарочь, там такую кофточку видела классенькую... с ума сойти’.
 (В11М.Ком.GL.HL/AŽ)
- (35) *А ево чё, не было на дзiскацеке?*
 ‘А его что, не было на дискотеке?’ (В11М.Ком.MP.GL/AŽ)

К сожалению, нам не удалось определить, на каком языке молодые общаются дома, с родителями, но длительные контакты с жителями Комарово позволяют предположить, что также по-разному: одни на местном говоре, другие—по-русски. Русский язык среди молодых считается престижным. Это—язык города, на котором почти каждому придется общаться, покинув родную деревню. В ходе бесед с местной молодежью складывалось впечатление, что *своего, простого, деревенского* языка она стыдится, а белорусского литературного языка не знает и не стремится выучить.

Рассмотрение речи трех поколений (старшего, среднего, молодого) демонстрирует трансформацию *своей, простой речи* под влиянием разносторонних факторов. Наблюдается постепенное вымирание речи довоенного поколения, которая, по-видимому, уйдет вместе с ним. Принимая во внимание позицию молодого поколения и его отношение к *простой речи*, можно предположить, что на исследуемой нами территории появится видоизмененный говор, характеризующийся новыми особенностями.

12 В высказываниях старшеклассниц (33-35) вместо полумягкого [ч.] слышится мягкое [ч’].

3. Заключение

Анализ собранных материалов показал довольно интересную лингвистическую картину, в которой на наших глазах происходят различные языковые процессы, связанные с пограничным положением Мядельщины.

Речь жителей Комарово подверглась воздействию языков соседей—польского и русского. Элементы польского языка прослеживаются в первую очередь в речи старшего поколения (довоенного), а также поляков среднего поколения, пользующихся хотя бы время от времени польским языком (напр., читают, молятся, поют, переписываются с родственниками из Польши) и отождествляющих себя с польскими традициями.

Русский язык, занимая высокую позицию в Беларуси, на Мядельщине также считается более престижным, чем белорусский. Здесь необходимо добавить, что речь идет о местном говоре, ограниченном домашней (семейной) сферой общения, а также сферой непосредственных, неофициальных контактов (это в первую очередь относится к речи молодежи). Белорусским литературным языком владеют немногие.

Для общего обзора предлагаем обратиться к таблице, содержащей примеры высказываний, к которым мы обращались в предыдущих частях статьи. В них отражаются основные направления развития речи жителей деревни Комарово.

Язык	Старшее поколение	Среднее поколение	Младшее поколение
Польский	<p>только в церкви: <i>по польску тылько ф кос'цэле</i> (пол. <i>po polsku tylko w kościele</i>), <i>с'венты ензык польски</i> (пол. <i>święty język</i>) (3); отдельные полонизмы в речи: <i>[братова] відзі</i> (пол. <i>bratowa widzi</i>), <i>ксёнжска</i> (пол. <i>książka</i>), <i>ліманія</i> (пол. <i>litania</i>) (6)</p>	<p>только некоторые слова: <i>выг(г)ода</i> (пол. <i>wygoda</i>) (18); <i>плєцы</i> (пол. <i>plecy</i>), <i>цал'ымі дн'ямі</i> (ср. пол. <i>całymi dniami</i>), <i>бабця</i> (пол. <i>babcia</i>) (19); <i>комітэт кос'цельны</i> (пол. <i>komitet kościelny</i>), <i>тшэба</i> (пол. <i>trzeba</i>) (21); <i>жэбышыстка добжэ...</i> (пол. <i>żeby wszystko dobrze...</i>), <i>здраве</i> (пол. <i>zdrowie</i>), <i>родзіна</i> (пол. <i>rodzina</i>) (22)</p>	нет

Русский	только некоторые русизмы: <i>па-польскі</i> (6); <i>язык</i> (6,7); <i>толька</i> (8)	больше русизмов: <i>панімаю</i> (17), <i>врач</i> , <i>ізвалекалі інароднае цела</i> (24); <i>відзела</i> (25); <i>можыт в дом зайдзёце</i> (26) <i>работаје 'т</i> <i>первый г(г)од</i> , <i>бюджет</i> <i>паступаць</i> , <i>коледж</i> <i>конч-ыл</i> , <i>г(г)од нада</i> <i>паработаць</i> (27)	говорят по-русски между собой: младшая, куда, нада падаждаць (28); как дзіла? Што новава? В школе всё нормальна? У міня ніч-ево (29); вродзі, пруд (30); эта вы аттуда, более-менее (31); вечерам пайдзёшь, тагда да встrecі (33); в пятніцу, с ума сайці (34); ево чё, не было на дзіскацке (35)
Белорусский литературный	больше выражений: <i>гаварылі па-вясковаму</i> , <i>як цяпер</i> , <i>па-свойму</i> (1); <i>па-просту</i> (2); <i>польскія дакументы</i> <i>былі</i> (5); <i>бацькі зваліся</i> , <i>у Броневе жывець</i> , <i>па-польску мы гаворым</i> (6); <i>кінула гэтага хлопчыка</i> (8)	стараются употреб-лять белорусский литературный язык: <i>мала польскі</i> , <i>некаторыя словы</i> , <i>гаварыць як трэба</i> (15); <i>дзяды</i> , <i>прадзеды былі палякамі</i> (16); <i>ні галадалі ўжо</i> (18); <i>на сваей зямлі працавалі</i> , <i>сёння</i> , <i>заўтра</i> , <i>памаленьку</i> , <i>усё было зроблена</i> (19); <i>дзедзяды вывязлі тады на Калыму</i> (20); <i>для маіх дзетак</i> (22); <i>хочыцца ж каб у сям'і ўсё добра было</i> (23); <i>шкода</i> , <i>намучалася ж дзіцятка</i> (24); <i>заехаў да сястры</i> (25)	избранные слова и словосочетания: <i>паг(у)лядзі</i> (28); <i>у Камарове рас'цець</i> , <i>муціць гэта ён</i> (30); <i>ішлі аднекуль</i> , <i>цяжка пралес'ці</i> (31); <i>як малыя былі хадзілі</i> , <i>ўрокі трэба</i> (32)
Местный говор	пользуются независимо от собеседника и ситуации (за искл. костёла): <i>дванас'ця</i> (pl. <i>dwanasście</i>), <i>давайця</i> , <i>інача уб'ём</i> (рус. <i>давайте</i> , <i>иначе убьём</i>) (5); <i>братова</i> (pl. <i>bratowa</i>), <i>сусём</i> (рус. <i>совсем</i> , блр. <i>зусім</i>), <i>накшы</i> (блр. <i>іншы і інакш</i> (в значении	отдельные выражения: <i>сусім/сусём</i> (рус. <i>совсем</i> , блр. <i>зусім</i>) (24); <i>тока</i> (рус. <i>только</i> , блр. <i>толькі</i>) (27)	некоторые слова: <i>абычны</i> (рус. <i>обычный</i> , блр. <i>звычайны</i>) (30); <i>паздраўляць</i> (рус. <i>поздравлять</i> , блр. <i>віншаваць</i>), <i>ён начнець</i> (рус. <i>начнёт</i> , блр. <i>пачне</i>) (32)

Местный говор	інаچه) (б); <i>разыскаваў</i> (рус. <i>разыскивал</i>), <i>зра валнуіціся</i> (рус. <i>зря волнуется</i>), <i>скока</i> (рус. <i>сколько</i>), <i>узрослы</i> (рус. <i>взрослый</i>), <i>каіць</i> (блр. <i>кажыць</i>), <i>ня відзяліся</i> (рус. <i>не виделись</i> , блр. <i>не [п'а] бачыліся</i>) (8)		
---------------	--	--	--

В настоящее время тенденция лингвистического развития Комарово проявляется в изменениях местного говора, в котором элементы польского языка заменяются элементами местного варианта русского языка.

Причины подобной языковой ситуации—это и особенности исторического развития, и социолингвистические закономерности развития региона, и языковые контакты, столкновение различных властей, законов и правил, а в последнее время и двух социальных явлений—города и деревни (Будзько 2007: 279). В данном случае, вероятнее всего, можно говорить о феномене, который выдающийся польский диалектолог Эльжбета Смулкова называет пока неисследованным смешением разноязычных элементов вследствие конвергенции близкородственных языков (говоров) (Smułkova 2010: 284).

Дальнейшие исследования позволят более определенно ответить хотя бы на часть волнующих нас вопросов о причинах сложившейся ситуации и о путях ее развития.

Литература

- Будзько, Ірына, 2007, «Лінгвістычны і сацыялінгвістычны характар беларускага памежжа: да пастаноўкі праблемы», *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej*, E. Smułkova & A. Engelking (eds.), Warszawa, стр. 259–80.
- Гіль, Міхал & Яська Драўніцкі, 2008, *Былыя сядзібы і паркі Паазер'я. Мядзельшчына*, Паставы.
- Драўніцкі, Яська, 2004, *Мая Віленшчына*, Паставы.
- Лемяшонак, Уладзімір, 1998, *Памяць*, Мінск.

- Engelking, Anna, 1995, "Jak katolik to Polak: Co to znaczy? Wstępne wnioski z badań terenowych na Białorusi," *Wschodnie pogranicze w perspektywie socjologicznej*, ed. A. Sadowski A., Białystok, pp. 138–46.
- Engelking, Anna, 1996, "Nacje to znaczy grupy religijne: O wynikach etnograficznych badań terenowych na Grodzieńszczyźnie," *Kultura i społeczeństwo* 1, pp. 109–39.
- Engelking, Anna, 2000, "Tożsamość tutejsza na wielojęzycznym pograniczu: Spostrzeżenia na przykładzie parafii nackiej," *Język a tożsamość na pograniczu kultur*, eds. E. Smułkowa & A. Engelking, Białystok, pp. 17–22.
- Engelking, Anna, 2007, "Nacja i nacjonalność jako kategorie identyfikacji i tożsamości mieszkańców wsi na wschodzie Białorusi," *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej*, eds. E. Smułkowa & A. Engelking, Warszawa, pp. 209–23.
- Engelking, Anna, 2008, "Kim jest człowiek pogranicza? Uwagi o tożsamości z perspektywy badacza i z perspektywy podmiotu—przykład białoruski," *Tożsamość—język—rodzina: Z badań na pograniczu słowiańsko-bałtyckim*, eds. A. Engelking, E. Golachowska & A. Zielińska A, Warszawa, pp. 247–66.
- Smułkowa, Elżbieta, 2002, "Problem języków narodowych w praktyce religijnej na białorusko-litewsko-polskim pograniczu etniczno-kulturowym," *Białoruś i pogranicza: Studia o języku i społeczeństwie*, ed. E. Smułkowa, Warszawa, pp. 492–500.
- Smułkowa, Elżbieta, 2010, "Problem zapożyczeń w warunkach rozpadającej się społecznej wielojęzyczności. Rozważania wstępne," *Studia białorutenistyczne* 4, Lublin, pp. 283–95.
- Straczuk, Justyna, 2006, *Cmentarz i stół: Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi*, Wrocław.
- Straczuk, Justyna, 2008, "Wielojęzyczność pogranicza: od tutejszości do nowej lokalności," *Tożsamość—język—rodzina: Z badań na pograniczu słowiańsko-bałtyckim*, eds. A. Engelking, E. Golachowska & A. Zielińska A, Warszawa, pp. 95–107.
- Zielińska, Anna, 2008, "Zmiana, zachowanie i utrata języka w rodzinach na pograniczu słowiańsko-bałtyckim," *Tożsamość—język—rodzina: Z badań na pograniczu słowiańsko-bałtyckim*, eds. A. Engelking, E. Golachowska & A. Zielińska A, Warszawa, pp. 165–76.